

Поездка на «Дорогу жизни» 22 февраля 2018 г.

У «ленинского» паровоза на Финдлянском вокзале

Ниже - цитата из книги воспоминаний моей мамы «Путешествие из Ленинграда в Москву с пересадками» (<https://www.litmir.me/br/?b=246870&p=21>):

«I. Отъезд

Я заранее наняла грузовик. И выехали мы из дому — мама, я, Ляля и Саша — к вечеру 9 апреля 1942 года. Саше — 3 года, Ляле — 13. Позади ленинградская блокадная зима. Я отвезла маму и Сашу к Обориным, они жили недалеко от Финляндского вокзала. А сами мы с Лялей пошли на вокзал и всю ночь простояли в очередях за пайком для эвакуированных. Где были наши вещи? Вероятно, с нами. Это всё были тюки, покрытые чёрной матовой клеёнкой (купленной Володей ещё до войны, наверное, для палатки). Нам было сказано, что чемоданы брать с собой нельзя. И тут уже ночью начались сцены, предопределяющие всю неразбериху нашего будущего пути: время от времени раздавались вопли: «Мама! Мама!», «Таня!», «Люда!». И пробегали заплаканные, перепуганные, потерявшиеся дети и женщины. Из пайка, выданного нам, помню только небывало большие, забытые порции хлеба. Выдавали сразу дня на три, да ещё на всех четверых. К утру произошла посадка в вагоны типа дачных. Жуткая теснота, ругань. Не понимаю, как справились мы вдвоём, ничего не растеряв? Вещи были невелики и очень ладно упакованы (школа экспедиций и вьюков). Оставив Лялю в вагоне, я пошла за своими. Не помню в жизни своей состояния большего отчаяния: куда я везу маму?! Безумная! Я бы дорого дала в эти минуты, чтобы оказаться снова на Большом. Но было поздно: печурка была разорена, машины не было, вещи — в набитом вагоне, и ничего больше не оставалось делать! Я шла, и слёзы лились, и я не

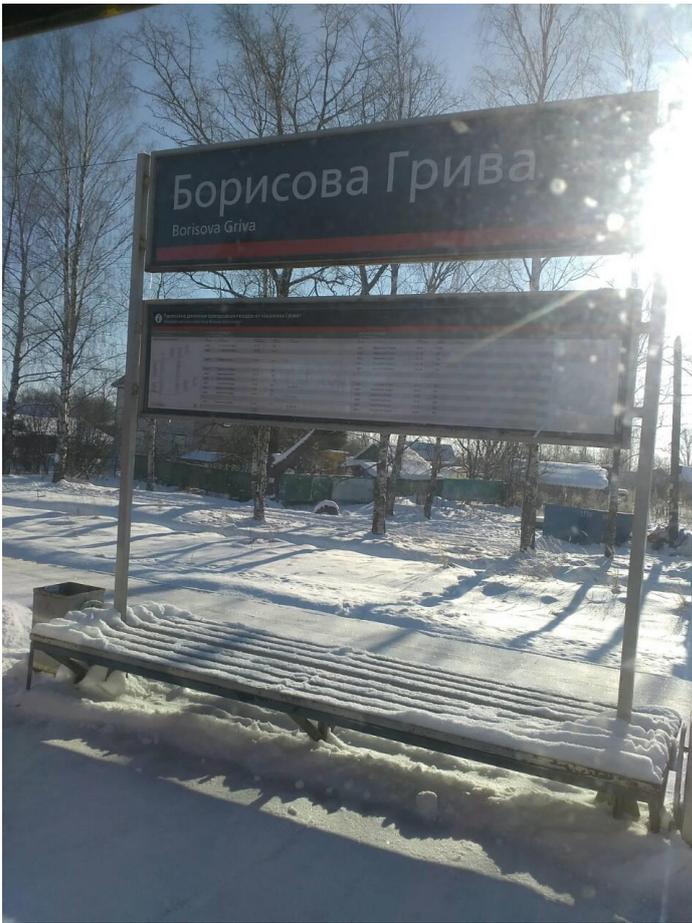
вытирала их. Мне было всё равно... Как я их привела и как мы сели в вагон, забыла. И сколько времени мы ехали до Борисовой Гривы? Сутки? Полтора суток? Запомнился такой случай: одна женщина, одинокая, вышла на станции, чтобы с кем-то встретиться. А когда поезд двинулся, было похоже, что она осталась. И тогда её соседи (молодая женщина, распухшая от голода, с девочкой) сразу же стали есть что-то из её запасов. А мы молча наблюдали за этим. И тут — никогда не забуду — со стороны площадки вагона, расталкивая локтями стоящих пассажиров, появилась хозяйка вещей; нет, не она появилась, а просунулась одна её голова — блондинки с безумными глазами: что с её вещами? Целы ли? Как она потом ругалась! «Ах вы! Интеллигентные люди! Смотрите и молчи те!» И все опять молчали. Приехали в Борисову Гриву, на берегу Ладожского озера. (А ведь когда-то, в весёлые мирные дни, мы ездили туда компанией! Помню Веру и Севу Черняева, еду рыбаков в доме с маленькими окнами. И за окном — свинцовое небо над озером, и озеро эти люди называли «морем».) Приехали мы к вечеру, ещё засветло, и началась погрузка на подъезжающие один за другим грузовики. Брали «на абордаж». Мы стояли, беспомощные, пропуская одну машину за другой. Наконец Ляля пообещала табак каким-то красноармейцам, и они схватили наши тюки и закинули наверх, маму — так же, и только ножки мамы торчали, тоненькие в беленьких бурках. Мы устроились за кабиной и поехали в темноте. Я всё укрывала одеялом, как цыплят, своих детей. И была там хорошая простая тётка, одиночка, называвшая маму «бабушка», добрая и заботливая с ней. Страшная, хлюпающая в воде тёмная дорога. Рядом разговоры: «Вчера две машины провалились под лёд. Немцы бомбили». «А сегодня ещё подтаяло». В темноте разгружаемся на другом берегу залива, в Кабоне..»

Маршрут «Дорога жизни»

В электричке с Финляндского вокзала

На этой станции нас выгрузили в апреле 42 г. из вагонов поезда, чтобы дальше ехать на грузовиках – «полторках»

Станция Ладожское озеро - конечная

На берегу Ладоги. Вот тут у меня защемило сердце.

У входа в музей «Дорога жизни»

У памятника защитникам

Артиллерия

У зениток

Символ Дороги жизни – разорванное кольцо

У «полуторки»

Макет полуторки, одной из тех, на которых нас везли по Ладожскому льду

У макета полуторки

«У нас с собой было». В бутылке не bona aqua, а akva vita

В обратный путь

На пепелище

Уже давно нас немцы не бомбят
Уже давно не падают снаряды.
А у меня в душе ещё горят,
Ещё чадят Бадаевские склады.

Стою, склоняюсь, у дорогих могил,
А здесь моих погребено немало.
Кого когда-то немец не убил,
Того страна родная доконала.

Я ничего от Родины не жду.
Всё, что дала, сама и отобрала.
За всё платя положенную мзду,
Я всё готов опять пройти. Сначала!

По травке пробежаться босиком,
И загадать желание на комету,
И выкурить на лестнице тайком,
Закашлявшись от дыма, сигарету.

Опять отравиться на целину.
Ошибки совершить очередные.
И никогда страну не упрекну,
Забывшую опять про наградные.

Не нужно незаслуженных наград.
Раз позабыла, значит так и надо.
Но у меня в душе ещё горят,
Ещё чадят Бадаевские склады.

2012 г.

А.Я.